

Представления о настоящем и будущем страны как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи: кросс-культурный анализ

Ефременкова М.Н.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>, e-mail: mnetema@yandex.ru

Мураценкова Н.В.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Гриценко В.В.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: griitsenko2006@yandex.ru

Стельмах С.А.

НАО «Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова»

(НАО ВКУ им. С. Аманжолова), г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Бурдина Е.И.

НАО «Торайгыров университет» (НАО ТоУ), г. Павлодар, Республика Казахстан

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7757-7612>, e-mail: e.i.burdina@mail.ru

Цель. Анализ взаимосвязей представлений о настоящем и будущем страны проживания с эмиграционной активностью студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России.

Контекст и актуальность. Изучение представлений о стране проживания как предикторов эмиграционной активности студентов может повысить эффективность молодежной политики в сфере сохранения ценного человеческого капитала на уровне стран.

Дизайн исследования. С помощью множественного регрессионного анализа результатов онлайн-опроса, проведенного в январе-апреле 2021 г., определены особенности взаимосвязей представлений о настоящем и будущем стран проживания с эмиграционной активностью молодежи трех государств.

Участники. Студенты университетов, являющиеся гражданами Беларуси (208 человек), Казахстана (200) и России (250), в возрасте от 18 до 25 лет.

Методы (инструменты). Исследовательская анкета включала 6 разработанных на основе теории планируемого поведения А. Айзена утверждений для изучения эмиграционных намерений и поведения по их реализации, а также 2 набора характеристик из методики «Временные аттитюды» Ж. Нюттена для изучения представлений о настоящем и будущем страны проживания.

Результаты. Факторами эмиграционной активности российской студенческой молодежи выступают представления о настоящем страны проживания как не длительном, не свободном, значительном, но скучном, а также представления о будущем России как значительном, но не насыщенном

событиями и не новаторском. Белорусская молодежь, нацеленная на эмиграцию, воспринимает настоящее своей страны как связанное с прошлым, не сплоченное, но свое, а будущее страны — как не сплоченное и связанное с настоящим Беларуси. Казахстанские студенты, ориентированные на переезд, воспринимают настоящее своей страны как прекрасное, активное, но не близкое, не хаотичное и не светлое, а будущее страны — как не свое и не связанное с настоящим Казахстана.

Основные выводы. Существуют различия в связях между представлениями о настоящем и будущем страны проживания и эмиграционной активностью молодежи Беларуси, Казахстана и России. Эффективная реализация молодежной политики в сфере сохранения ценного человеческого капитала на уровне стран требует учета социокультурного контекста, в котором формируются данные взаимосвязи.

Ключевые слова: эмиграционная активность, эмиграционное намерение, эмиграционное поведение, факторы эмиграционной активности, представления о настоящем страны, представления о будущем страны, студенческая молодежь, кросс-культурный анализ.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00156.

Для цитаты: Ефременкова М.Н., Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Стельмах С.А., Бурдина Е.И. Представления о настоящем и будущем страны как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи: кросс-культурный анализ // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 1. С. 111–131. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140107>

Perceptions of the Present and Future of the Country as a Factor of the Emigration Activity of Student Youth: Cross-Cultural Analysis

Maria N. Efremenkova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>, e-mail: mnemema@yandex.ru

Nadezhda V. Murashcenkova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Valentina V. Gritsenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Svetlana A. Stelmakh

Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Elena I. Burdina

Toraighyrov University, Pavlodar, Kazakhstan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7757-7612>, e-mail: e.i.burdina@mail.ru

Objective. Analysis of the relationship between perceptions of the present and future of the residence country and the emigration activity of students in Belarus, Kazakhstan and Russia.

Background. The study of the perceptions of residence country as predictors of students' emigration activity can improve the effectiveness of youth policy in preserving valuable human capital at the country level.

Research design. Using multiple regression analysis, the results of the January-April 2021 online survey identified the specifics of the relationships between perceptions of the present and future of the residence country and emigration activity of young people in three countries.

Participants. University students are citizens of Belarus (208 people), Kazakhstan (200) and Russia (250) aged 18 to 25 years.

Measurements. Research questionnaire included 6 statements, based on the theory of planned behavior, developed by I. Ajzen, for studying emigration intentions and behavior in their realization, as well as two sets of characteristics from “Scale of temporary attitudes” by J. Nutten for studying the present and future of the country of residence.

Results. Factors of emigration activity of Russian student youth are perceptions of the present of their residence country as not long-lasting, not free, significant, but boring, as well as perceptions of future in Russia as significant, but not eventful and not innovative. Belarusian emigration-oriented youth perceive their country's present as related to the past, not cohesive, but their own, and the country's future as not cohesive and related to Belarus' present. Kazakhstani emigration-oriented students perceive the present of their country as beautiful, active, but not close, not chaotic and not bright, and the future as not their own and not related to the present of Kazakhstan.

Conclusions. There are differences in the relationships between perceptions of the present and future of the residence country and emigration activity of young people in Belarus, Kazakhstan and Russia. The effective implementation of youth policy to preserve valuable human capital at the country level requires considering the social and cultural context in which these relationships are formed.

Keywords: emigration activity, emigration intention, emigration behavior, factors of emigration activity, representations about the country's present, representations about the country's future, student youth, cross-cultural analysis.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00156.

For citation: Efremenkova M.N., Murashcenkova N.V., Gritsenko V.V., Stelmakh S.A., Burdina E.I. Perceptions of the Present and Future of the Country as a Factor of the Emigration Activity of Student Youth: Cross-Cultural Analysis. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 1, pp. 111–131. DOI: <https://doi.org/10.17759/sp.s.2023140107> (In Russ.).

Введение

Молодежь как ценный ресурс общества: риски эмиграционной мобильности

Профилактика эмиграционного оттока населения требует изучения эмиграционных намерений прежде всего молодежи, так как на уровне общества эмиграционные намерения молодежи являются предикторами популяционной динамики. В современную эпоху цифровой глобализации чаще обращается к эмиграции как средству достижения значимых целей именно образованная молодежь [31], особенно на этапе поиска работы и трудоустройства, в про-

цессе обучения и/или сразу после получения диплома [25]. В то же время качество образования, состояние здоровья, ценности и цели молодежи страны в настоящем во многом определяют качество и уровень жизни в данной стране в будущем. То есть молодежь является ценным ресурсом любого общества. А молодые люди, проявляющие эмиграционную активность, как правило, являются особенно ценным социальным капиталом: не случайно тема эмиграционной активности молодежи часто обсуждается в сочетании с такими темами, как «утечка умов» [18] и «утечка счастья» [26]. Сохранить молодежь на уровне стра-

ны можно, поняв, что именно выталкивает ее из страны и/или притягивает за рубежом [24]. Поэтому молодежная политика, ориентированная на эффективную реализацию потенциала молодого поколения и его сохранение на уровне страны, должна помимо прочего учитывать интересы, представления и ожидания самой молодежи. Не случайно значимость *взаимодействия* молодежи и органов власти при реализации молодежной политики отражена в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [15]. Согласно данному документу «признание молодежи равноправным партнером в формировании и реализации государственной молодежной политики» является одним из основных принципов ее реализации [15, с. 5], а одной из приоритетных задач является «интенсификация механизмов обратной связи между государственными структурами, общественными объединениями и молодежью» [15, с. 11]. То есть речь идет о важности и необходимости слушать и слышать молодежь, понимать ее поколенческие [17], культурологические и социально-психологические особенности [9]. Классические линии жизненного пути и профессионального развития становятся все менее актуальными для современной молодежи России, которая социализируется в условиях поливариативности жизненных стилей, выборов и стратегий и является особенно мобильной и адаптивной к изменяющемуся социальному контексту [7; 17]. Современная студенческая молодежь (не только в России, но и в других странах) все больше склонна к гибкости при восприятии и оценке социального мира, признает сложность и противоречивость человеческого поведения, отмечает ценность и продуктивность собственной активности в достижении значимых результатов [12]. На этом фоне дополнительными факторами, стимулирующими эмиграционную

мобильность российской молодежи, могут являться проблемы и противоречия в реализации государственной молодежной политики в стране на разных уровнях управления [14]. Как отмечают Е.Л. Омельченко и И.В. Лисовская, анализируя результаты 30-и интервью с экспертами в области молодежной политики России, существуют различия и противоречия в понимании и прочтении чиновниками молодежной политики государства, что обусловлено в том числе различиями в отношении к молодежи: как к ресурсу, объекту или значимому агенту/субъекту/активному участнику социальных изменений [14]. И одним из ключевых дискуссионных вопросов в данном случае является прочтение и понимание государственными служащими смысла и практик патриотического воспитания, которое является важнейшим фактором профилактики эмиграционной активности молодежи. В контексте всего вышесказанного особенно актуальным становится изучение представлений молодежи о настоящем и будущем страны проживания как фактора ее эмиграционной активности.

***Представления о стране
проживания как фактор
эмиграционной активности
молодежи***

Значимым фактором формирования эмиграционных намерений молодежи могут выступать образы настоящего и будущего страны проживания, в которых сочетаются как реальные характеристики социальной, политической, экономической жизни в стране, так и система отношений, проекций, ожиданий ее молодых граждан как субъектов восприятия [3]. Система отношений личности к стране, выраженная в субъективных образах прошлого, настоящего и будущего, играет важную роль в формировании приверженности стране и сдерживании эмиграционной активности

[19]. Степень принятия настоящего своей страны и ожидания от будущего могут влиять на выбор типа эмиграции: временная миграция или переезд навсегда [29]. Представления молодежи о стране проживания могут отличаться субъективизмом, категоричностью, противоречивостью и базироваться на стереотипах [20], однако, важным является то, что в субъективных образах настоящего и будущего страны отражаются наиболее важные интересы, цели и ожидания молодежи, а также представления о возможности их реализации в стране [6]. Молодежь имеет свои представления о векторе развития государства и соотносит эти представления с существующей реальностью [4]. От этих оценок и прогнозов, наличия или отсутствия ощущения сопричастности происходящему в стране может зависеть желание или нежелание развиваться и строить свою жизнь в ней. Отсутствие веры в успех своей страны, восприятие ее как чужой могут стимулировать молодежь к выбору альтернативных стран для проживания. Особую значимость здесь имеют представления молодежи о будущем страны, так как они координируют формирование жизненной стратегии личности. Молодые люди соотносят перспективы развития государства с собственными жизненными планами, оценивают возможности самореализации в стране. Позитивные ожидания от будущего и оптимистичное его восприятие дают мощный потенциал для развития и способны снижать эмиграционные интенции [2]. Таким образом, существующие исследования свидетельствуют о том, что представления о стране проживания могут выступать значимыми факторами выраженности и особенностей эмиграционной активности молодежи. Однако эффективность государственной политики в сфере сохранения молодежи как ценного человеческого капитала на уровне страны, с одной стороны, требует определе-

ния и учета конкретных компонентов (и/или их совокупности) образов настоящего и будущего страны проживания, наиболее значимых с точки зрения формирования эмиграционной активности молодежи, а с другой стороны, регулярного мониторинга представлений молодежи о стране проживания с учетом текущего социокультурного контекста, в котором эти представления формируются. Эффективному решению данных задач может способствовать проведение кросс-культурного анализа представлений молодежи разных стран о настоящем и будущем государств, в которых они проживают, во взаимосвязи с их эмиграционными интенциями. Именно социокультурный подход позволит лучше понять риски и факторы эмиграционной мобильности современной российской молодежи, поможет определить, какие стороны и особенности жизни в стране на данный момент вступают в противоречие с желаниями и потребностями молодых людей, стимулируя их к переезду за границу.

Целью данного исследования стал кросс-культурный анализ связей представлений о настоящем и будущем страны проживания с эмиграционной активностью студенческой молодежи. Для сбора данных были выбраны три страны: Россия, Беларусь и Казахстан. В исследовании приняли участие студенты университетов (от 18 до 25 лет) — граждане стран постсоветского пространства с общими историей и языком, стран, сохранивших тесные экономические и культурные связи и характеризующихся схожими линиями молодежной политики [1; 10; 28]. Для всех трех государств проблема сохранения молодежи является актуальной и требует решения. За период с 2010 по 2021 годы в рассматриваемых странах значительно снизилась доля молодежи от 15 до 29 лет в общей численности населения: с 22,7% до 16,0% в России, с 27,8% до 20,5% в Ка-

захстане и с 22,6% до 16,0% в Беларуси [10, с. 23–24], что обусловлено в том числе и ростом международной мобильности молодежи. В 2019 году, по данным Статкомитета СНГ, из России эмигрировали 401 тыс. человек, из которых 138 тыс. человек (34,4%) пришлось на молодежь в возрасте от 15 до 29 лет; из Беларуси уехали 26 тыс. человек (9,4 тыс. человек (36,2%) из которых — это молодежь от 15 до 29 лет), из Казахстана — 39,8 тыс. человек (9,4 тыс. молодых людей от 15 до 29 лет (24,0%)) [10]. Таким образом, результаты данного исследования могут быть полезны и использованы специалистами по молодежной политике всех трех стран.

Поставлены два исследовательских вопроса:

1. Какие представления о настоящем и будущем страны проживания связаны с эмиграционными намерениями и поведением по реализации этих намерений у современной студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России?

2. Существуют ли различия в данных связях у студенческой молодежи трех стран и в чем они проявляются?

Метод

Процедура сбора данных

Анонимный онлайн-опрос был организован на платформе *anketolog.ru* с января по апрель 2021 года. Ссылка на онлайн-анкету распространялась среди потенциальных респондентов преподавателями, сотрудниками и студентами университетов трех стран. Участие в опросе было добровольным, вознаграждение за участие не предусматривалось.

Выборка исследования

Выборку исследования составили 658 русскоговорящих студентов университетов: 208 граждан Беларуси (25% юношей, средний возраст — 19,8 лет), 200 граждан

Казахстана (26% юношей, средний возраст — 20,5 лет) и 250 россиян (25% юношей, средний возраст — 20,0 лет) в возрасте от 18 до 25 лет. Среди российских респондентов 87% отнесли себя к русским, среди казахстанских — 54% к казахам, а среди белорусских респондентов 94% идентифицировали себя как белорусы. В онлайн-опросе приняли участие студенты гуманитарного, технического и экономического направлений обучения из белорусских вузов Витебска, Гродно и Минска, из казахстанских вузов Нур-Султана, Павлодара, Усть-Каменогорска и из российских вузов Москвы, Омска, Пензы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Хабаровска.

Методики исследования

Измерение эмиграционных намерений и поведения по их реализации

Оценка выраженности эмиграционных намерений и поведения по их реализации осуществлялась на основе теории планируемого поведения А. Айзена [22]. С учетом основных принципов конструирования методик в рамках теории планируемого поведения [21] были разработаны 6 утверждений с 6-балльной шкалой ответов (от 1 — «абсолютно не согласен» до 6 — «абсолютно согласен»). Три утверждения были направлены на оценку выраженности эмиграционного намерения («я хочу в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну»; «я планирую в ближайшие 5 лет переехать жить в другую страну»; «я готов(а) в ближайшие 5 лет переехать за границу») и три — на оценку выраженности поведения по реализации этого намерения («я уже активно разрабатываю план действий для переезда за границу»; «в настоящее время я стараюсь получить как можно больше информации из разных источников о стране предполагаемого переезда»; «я уже активно взаимодействую с теми, кто может помочь мне переехать за

границу»). Проводился подсчет средних значений по трем утверждениям в каждом случае. Показатели α -Кронбаха по шкалам «эмиграционное намерение» и «поведение по реализации эмиграционного намерения» следующие: 0,90/0,86 (Беларусь); 0,91/0,89 (Казахстан); 0,88/0,87 (Россия).

Оценка образов настоящего и будущего страны проживания (Беларуси/Казахстана/России)

Респондентам предлагалось оценить свое отношение к настоящему и будущему страны проживания в соответствии с методикой «Временные аттитюды» Ж. Нюттена (в модификации Т.А. Нестика) [13]. Для оценки образов настоящего и будущего страны проживания предъявлялись 2 идентичных списка из 24-х прилагательных. Респонденты присваивали каждой характеристике балл от 1 до 7 в зависимости от того, насколько точно, по их мнению, каждое прилагательное описывает настоящее и будущее их страны.

Измерение контрольных переменных

Респонденты указывали свой пол, возраст, гражданство, материальное положение, иностранные языки, которыми они владеют, частоту выездов за границу, а также количество знакомых, друзей и родственников за границей, к которым они могли бы в случае необходимости обратиться за помощью. В качестве контрольных переменных, связанных с пандемией как значимым контекстом сбора данных, оценивались выраженность страха перед COVID-19 и объективная дистанция с данным заболеванием. Страх перед коронавирусной инфекцией измерялся с помощью Шкалы страха COVID-19 (FCV-19S) [23; 30]. Для измерения объективной дистанции с COVID-19 был использован вопрос «Болели ли (или болеете/болеют сейчас) Вы, Ваши родные, знакомые ко-

ронавирусом?» с четырьмя вариантами ответа (дистанция с COVID-19 кодировалась в соответствии с ближайшей отмеченной дистанцией с заболеванием).

Обработка данных

Для обработки данных использовалась программа IBM SPSS Statistics 23. Были проанализированы описательные статистики, надежность и согласованность шкал (α -Кронбаха), различия по t -критерию Стьюдента, проведен множественный регрессионный анализ. В качестве зависимых переменных выступили эмиграционное намерение и поведение по реализации эмиграционного намерения. Независимыми переменными выступили характеристики, отражающие содержание образов настоящего и будущего стран проживания, а также контрольные переменные.

Результаты

Согласно полученным данным, у российских студентов эмиграционные намерения, так же как и поведение по реализации этих намерений, выражены в меньшей степени, чем у белорусских и казахстанских студентов (табл. 1).

У студентов трех групп не обнаружено статистически значимых различий в оценке настоящего своих стран по двум характеристикам: «скучное» и «незначительное» (табл. 2).

При этом, согласно полученным результатам, студенты из Беларуси, Казахстана и России скорее не склонны оценивать настоящее своих стран как *незначительное* (показатели по данному параметру ниже 3,41 в трех выборках), но тяготеют к оценке настоящего своих стран как *скудного* (показатели выше 3,53). Не обнаружено статистически значимых различий в оценках студентами настоящего своих стран по следующим характеристикам: по параметру «активное» у белорусских студентов в

Таблица 1

**Средние значения, стандартные отклонения и различия
в эмиграционных намерениях и поведении по реализации этих намерений
у студентов Беларуси, Казахстана и России**

Переменные	Белорусские студенты	Казахстанские студенты	Российские студенты
	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>
Эмиграционное намерение	3,26(1,50) <i>p</i> *	3,26(1,61) <i>p</i> *	2,97(1,38) <i>б</i> [~] , <i>к</i> *
Поведение по реализации эмиграционного намерения	2,56(1,35) <i>p</i> **	2,53(1,45) <i>p</i> *	2,20(1,21) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> *

Примечания: *p* – статистически значимые различия с россиянами; *б* – статистически значимые различия с белорусами; *к* – статистически значимые различия с казахстанцами; **p* < 0,05; ***p* < 0,01.

Таблица 2

**Средние значения, стандартные отклонения и различия в представлениях
о настоящем стран проживания у студентов Беларуси, Казахстана и России**

Характеристики оценки настоящего страны проживания	Представления о настоящем		
	Беларуси	Казахстана	России
	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>
Негативные оценки (<i>min</i> = 1, <i>max</i> = 7)			
Безнадежное	3,97(1,64) <i>к</i> [*] , <i>p</i> **	3,65(1,65) <i>б</i> [*] , <i>p</i> ***	4,48(1,58) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> ***
Бессмысленное	3,85(1,62) <i>p</i> **	3,62(1,66) <i>p</i> ***	4,25(1,55) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> ***
Застойное	4,12(1,97) <i>к</i> ** [~] , <i>p</i> **	3,54(1,89) <i>б</i> ** [~] , <i>p</i> ***	4,73(1,87) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> ***
Незначительное	3,41(1,67)	3,13(1,62)	3,12(1,56)
Неприятное	4,23(1,68) <i>к</i> *** [~] , <i>p</i> **	3,60(1,65) <i>б</i> *** [~] , <i>p</i> ***	4,64(1,55) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> ***
Скучное	3,53(1,57)	3,56(1,71)	3,70(1,64)
Трудное	4,32(1,90) <i>p</i> ***	4,41(1,76) <i>p</i> ***	5,24(1,48) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> ***
Хаотичное	4,21(1,80) <i>p</i> **	3,97(1,73) <i>p</i> ***	4,74(1,65) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> ***
Позитивные и нейтральные оценки (<i>min</i> = 1, <i>max</i> = 7)			
Активное	4,40(1,71)	4,63(1,67) <i>p</i> **	4,14(1,75) <i>к</i> **
Безопасное	3,79(1,80) <i>к</i> ** [~] , <i>p</i> ***	4,38(1,73) <i>б</i> ** [~] , <i>p</i> ***	3,21(1,65) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> ***
Близкое	4,22(1,64) <i>p</i> *	4,42(1,80) <i>p</i> **	3,86(1,75) <i>б</i> [~] , <i>к</i> **
Длительное	4,44(1,59) <i>к</i> ** [~] , <i>p</i> ***	4,90(1,57) <i>б</i> ** [~]	5,00(1,55) <i>б</i> ***
Мое	4,20(1,68) <i>к</i> **	4,71(1,68) <i>б</i> ** [~] , <i>p</i> ***	3,96(1,73) <i>к</i> ***
Насыщенное событиями	4,60(1,76) <i>к</i> [*] , <i>p</i> ***	4,94(1,66) <i>б</i> [*]	5,15(1,58) <i>б</i> ***
Новаторское	3,99(1,77) <i>p</i> ***	3,88(1,75) <i>p</i> ***	3,08(1,67) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> ***
Определенное	3,88(1,86) <i>к</i> [*] , <i>p</i> ***	4,29(1,79) <i>б</i> [*] , <i>p</i> ***	3,22(1,70) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> ***
Прекрасное	4,00(1,56) <i>к</i> *** [~] , <i>p</i> *	4,66(1,51) <i>б</i> *** [~] , <i>p</i> ***	3,69(1,43) <i>б</i> [~] , <i>к</i> ***
Светлое	3,81(1,66) <i>к</i> ***	4,64(1,65) <i>б</i> *** [~] , <i>p</i> ***	3,51(1,62) <i>к</i> ***
Свободное	3,69(1,98) <i>к</i> *** [~] , <i>p</i> ***	4,39(1,95) <i>б</i> ** [~] , <i>p</i> ***	3,01(1,80) <i>б</i> ** [~] , <i>к</i> ***
Связанное с будущим страны	4,36(1,96) <i>к</i> **	4,97(1,65) <i>б</i> ** [~]	4,65(1,85)
Связанное с прошлым страны	4,56(1,80) <i>p</i> ***	4,67(1,88) <i>p</i> ***	5,30(1,66) <i>б</i> *** [~] , <i>к</i> ***

Характеристики оценки настоящего страны проживания	Представления о настоящем		
	Беларуси	Казахстана	России
	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>
Сплоченное	3,46(1,82) κ^{**}, p^{**}	4,55(1,74) δ^{***}, p^{***}	2,94(1,64) $\delta^{**}, \kappa^{***}$
Стабильное	3,83(1,98) κ^{**}, p^{*}	4,45(1,83) δ^{**}, p^{***}	3,37(1,87) δ^{*}, κ^{***}
Успешное	4,01(1,69) κ^{**}, p^{***}	4,48(1,56) δ^{**}, p^{***}	3,48(1,48) $\delta^{***}, \kappa^{***}$

Примечания: в таблице характеристики сгруппированы в 2 категории: (1) имеющие негативную коннотацию и (2) позитивную и нейтральную коннотацию; в анкете (при предъявлении респондентам) характеристики, имеющие разную коннотацию, чередовались между собой; δ – статистически значимые различия с беларусами, κ – статистически значимые различия с казахстанцами, p – статистически значимые различия с россиянами; жирным шрифтом выделены наибольшие средние значения (курсивом – наименьшие) по каждой оцениваемой характеристике среди студентов трех стран; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

сравнении с казахстанцами и россиянами; по параметру «связанное с будущим страны» у российских студентов в сравнении с казахстанцами и беларусами; по параметрам «длительное» и «насыщенное событиями» у российских и казахстанских студентов; по параметрам «мое» и «светлое» у беларусов и россиян; по параметрам «бессмысленное», «близкое» и «новаторское» у беларусов и казахстанцев. В целом студенты из Беларуси и Казахстана продемонстрировали меньше различий в оценке настоящего стран проживания (статистически значимые различия обнаружены по 15-и параметрам), нежели студенты из Беларуси и России (различия по 18-и параметрам) и из Казахстана и России (различия по 19-и параметрам).

Российские студенты рассматривают настоящее своей страны (России) как более *безнадежное, бессмысленное, застойное, неприятное, трудное и хаотичное* и в большей степени *связанное с прошлым страны* в сравнении с беларусскими и казахстанскими студентами, у которых данные характеристики при оценке настоящего своих стран (Беларуси и Казахстана) выражены в меньшей степени. Наряду с этим российская молодежь оценивает настоящее России как менее *безопасное, близкое, новаторское, определенное, прекрасное, свободное, сплоченное, стабильное и успешное*, нежели студенты Беларуси и Казахстана при оценке настоящего Казахстана. Отдельное внимание стоит уделить такому параметру оценки настоящего страны проживания, как «мое», отражающему степень сопричастности молодежи событиям в стране. Согласно полученным результатам, в большей степени данный параметр выражен у казахстанских студентов, нежели у беларусов и россиян. Стоит также обратить внимание на следующее: только при оценке настоящего России по отдельным параметрам (*длительное, насыщенное событиями, трудное,*

ценное, стабильное и успешное, нежели студенты Беларуси и Казахстана при оценке настоящего своих стран. Настоящее России ее молодыми гражданами воспринимается также как более *длительное и насыщенное событиями*, чем настоящее Беларуси беларусской молодежью, но при этом менее *активное и светлое*, чем настоящее Казахстана по оценкам казахстанских студентов. Сравнительный анализ образов настоящего Беларуси и Казахстана позволяет сделать вывод о том, что беларусские студенты воспринимают настоящее своей страны как более *безнадежное, неприятное и застойное*, а также менее *безопасное, длительное, насыщенное событиями, определенное, прекрасное, светлое, свободное, сплоченное, стабильное, успешное* и в меньшей степени *связанное с будущим страны*, нежели казахстанцы при оценке настоящего Казахстана. Отдельное внимание стоит уделить такому параметру оценки настоящего страны проживания, как «мое», отражающему степень сопричастности молодежи событиям в стране. Согласно полученным результатам, в большей степени данный параметр выражен у казахстанских студентов, нежели у беларусов и россиян. Стоит также обратить внимание на следующее: только при оценке настоящего России по отдельным параметрам (*длительное, насыщенное событиями, трудное,*

связанное с прошлым страны) наблюдаются средние значения выше 5-и баллов, что может свидетельствовать о выраженном консенсусе соответствующих представлений у российской студенческой молодежи.

В оценке будущего своих стран студенты из Беларуси и России продемон-

стрировали меньше различий (статистически значимые различия обнаружены по 7-и параметрам), нежели студенты из России и Казахстана (различия по 18-и параметрам) и из Беларуси и Казахстана (различия по 21-му параметру) (табл. 3).

Таблица 3

Средние значения, стандартные отклонения и различия в представлениях о будущем стран проживания у студентов Беларуси, Казахстана и России

Характеристики оценки будущего страны проживания	Представления о будущем		
	Беларуси	Казахстана	России
	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>	<i>M (SD)</i>
Негативные оценки (<i>min</i> = 1, <i>max</i> = 7)			
Безнадежное	3,62(1,57) <i>κ</i> ^{***}	3,02(1,67) <i>б</i> ^{***} , <i>p</i> ^{***}	3,80(1,82) <i>κ</i>^{***}
Бессмысленное	3,51(1,63) <i>κ</i> ^{**}	2,97(1,69) <i>б</i> ^{**} , <i>p</i> ^{***}	3,73(1,78) <i>κ</i>^{***}
Застойное	3,63(1,82) <i>κ</i>^{***}	2,90(1,83) <i>б</i> ^{***} , <i>p</i> ^{***}	3,51(1,97) <i>κ</i> ^{***}
Незначительное	3,44(1,59) <i>κ</i>^{**}, <i>p</i>^{**}	2,97(1,68) <i>б</i> ^{**}	2,98(1,69) <i>б</i> ^{**}
Неприятное	3,57(1,53) <i>κ</i> ^{**}	3,10(1,78) <i>б</i> ^{**} , <i>p</i> ^{***}	3,84(1,78) <i>κ</i>^{***}
Скучное	3,42(1,58) <i>κ</i>^{**}	2,96(1,68) <i>б</i> ^{**} , <i>p</i> ^{**}	3,41(1,77) <i>κ</i> ^{**}
Трудное	4,06(1,67) <i>κ</i> ^{***} , <i>p</i> ^{**}	3,40(1,83) <i>б</i> ^{***} , <i>p</i> ^{***}	4,54(1,76) <i>б</i>^{**}, <i>κ</i>^{***}
Хаотичное	3,84(1,67)	3,52(1,88) <i>p</i> [*]	3,90(1,80) <i>κ</i>[*]
Позитивные и нейтральные оценки (<i>min</i> = 1, <i>max</i> = 7)			
Активное	4,45(1,58) <i>κ</i> ^{***}	5,30(1,54) <i>б</i>^{***}, <i>p</i>^{***}	4,71(1,77) <i>κ</i> ^{***}
Безопасное	4,31(1,56) <i>κ</i> ^{***}	4,94(1,76) <i>б</i>^{***}, <i>p</i>^{***}	4,06(1,83) <i>κ</i> ^{***}
Близкое	4,14(1,73) <i>κ</i> ^{**}	4,73(1,93) <i>б</i>^{**}, <i>p</i>^{**}	4,17(1,93) <i>κ</i> ^{**}
Длительное	4,47(1,62) <i>κ</i> ^{***} , <i>p</i> ^{**}	5,14(1,67) <i>б</i>^{***}	5,00(1,70) <i>б</i> ^{**}
Мое	4,54(1,70) <i>κ</i> [*]	4,94(1,75) <i>б</i>[*], <i>p</i>^{***}	4,34(1,81) <i>κ</i> ^{***}
Насыщенное событиями	4,58(1,65) <i>κ</i> ^{***} , <i>p</i> ^{***}	5,42(1,49) <i>б</i>^{***}	5,25(1,59) <i>б</i> ^{***}
Новаторское	4,12(1,73) <i>p</i> [*]	4,46(1,83)	4,18(1,93) <i>б</i> [*]
Определенное	4,23(1,69) <i>κ</i> ^{***}	5,00(1,81) <i>б</i>^{***}, <i>p</i>^{***}	4,09(1,93) <i>κ</i> ^{***}
Прекрасное	4,38(1,49) <i>κ</i> ^{***}	5,05(1,67) <i>б</i>^{***}, <i>p</i>^{***}	4,27(1,67) <i>κ</i> ^{***}
Светлое	4,33(1,54) <i>κ</i> ^{***}	5,13(1,72) <i>б</i>^{***}, <i>p</i>^{***}	4,26(1,78) <i>κ</i> ^{***}
Свободное	4,39(1,80) <i>κ</i> ^{***}	5,10(1,79) <i>б</i>^{***}, <i>p</i>^{***}	4,30(1,99) <i>κ</i> ^{***}
Связанное с настоящим страны	4,38(1,93) <i>κ</i> ^{***} , <i>p</i> ^{***}	5,10(1,66) <i>б</i>^{***}	4,97(1,84) <i>б</i> ^{***}
Связанное с прошлым страны	4,36(1,84) <i>p</i> [*]	4,49(1,92)	4,75(1,95) <i>б</i>[*]
Сплоченное	4,24(1,85) <i>κ</i> ^{***}	5,11(1,68) <i>б</i>^{***}, <i>p</i>^{***}	4,11(1,93) <i>κ</i> ^{***}
Стабильное	4,45(1,69) <i>κ</i> ^{***}	5,10(1,81) <i>б</i>^{***}, <i>p</i>^{***}	4,22(1,90) <i>κ</i> ^{***}
Успешное	4,38(1,52) <i>κ</i> ^{***}	5,17(1,60) <i>б</i>^{***}, <i>p</i>^{***}	4,26(1,74) <i>κ</i> ^{***}

Примечания: в таблице характеристики сгруппированы в 2 категории: (1) имеющие негативную коннотацию и (2) позитивную и нейтральную коннотацию; в анкете (при предъявлении

респондентам) характеристики, имеющие разную коннотацию, чередовались между собой; *б* — статистически значимые различия с белорусами, *к* — статистически значимые различия с казахстанцами, *р* — статистически значимые различия с россиянами; жирным шрифтом выделены наибольшие средние значения (курсивом — наименьшие) по каждой оцениваемой характеристике среди студентов трех стран; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Молодые россияне представляют будущее своей страны как более *трудное* в отличие от белорусских и казахстанских студентов, у которых выраженность данной характеристики при оценке будущего своих стран ниже. Это единственный параметр, отличающий субъективный студенческий образ будущего России одновременно и от образа будущего Беларуси, и от образа будущего Казахстана, представляемых молодыми гражданами этих стран. Наряду с этим российские студенты конструируют будущее России как более *длительное, насыщенное событиями, новаторское*, в большей степени *связанное с настоящим и прошлым страны* и менее *незначительное*, в сравнении с представлениями белорусских студентов о будущем Беларуси. В то же время в сравнении с представлениями казахстанской молодежи о будущем Казахстана молодые россияне воспринимают будущее России как более *безнадежное, бессмысленное, застойное, неприятное, скучное, хаотичное* и менее *активное, безопасное, близкое, определенное, прекрасное, светлое, свободное, сплоченное, стабильное, успешное*. Маркер сопричастности будущему страны (характеристика «мое») в большей степени выражен у казахстанских студентов при оценке будущего Казахстана, нежели у российских студентов при оценке будущего России.

Сравнительный анализ образов будущего Беларуси и Казахстана свидетельствует о том, что белорусские студенты воспринимают будущее своей страны как более *безнадежное, бессмысленное, застойное, незначительное, неприятное, скучное, трудное*, а также менее *активное, безопасное, близкое, длительное, насыщенное событиями*

ми, определенное, прекрасное, светлое, свободное, сплоченное, стабильное, успешное и в меньшей степени *связанное с настоящим страны*. Маркер сопричастности будущему страны (характеристика «мое») в большей степени выражен у казахстанских студентов, оценивающих будущее Казахстана, нежели у белорусских студентов, оценивающих будущее Беларуси. При этом стоит отметить, что конструируемый казахстанскими студентами образ будущего своей страны включает (в сравнении со средними значениями в других группах респондентов) наименьшие показатели по всем негативным характеристикам и наибольшие — по всем позитивным и нейтральным характеристикам, за исключением одной (*связанное с прошлым страны*), среднее значение по которой больше в российской выборке, но не имеет статистически значимых различий с соответствующим показателем у казахстанцев.

Сравнительный анализ средних значений характеристик воспринимаемого настоящего и конструируемого будущего стран проживания у студентов-граждан Беларуси, Казахстана и России свидетельствует о том, что образ будущего страны в каждой выборке более позитивен, нежели образ настоящего (табл. 2, 3). В трех выборках все негативные характеристики, включенные в образ будущего страны, имеют наименьшие средние значения, и практически все позитивные и нейтральные характеристики — наибольшие средние значения, в сравнении с аналогичными показателями оценок по характеристикам, включенным в образ настоящего. Исключением здесь являются параметры оценки *близкое* и *насыщенное событиями* в бело-

русской выборке и параметр *связанное с прошлым страны* в трех выборках: белорусские, казахстанские и российские студенты в меньшей степени склонны конструировать будущее своих стран как связанное с прошлым. В представлениях у студентов трех групп связь настоящего

стран проживания с прошлым этих стран более выражена (согласно средним значениям), чем с будущим.

Связи эмиграционной активности студентов с их представлениями о настоящем и будущем стран проживания представлены в табл. 4 и 5.

Таблица 4

Стандартизированные регрессионные коэффициенты связи эмиграционных намерений и поведения с представлениями о настоящем стран проживания и контрольными переменными у студентов Беларуси, Казахстана и России

Предикторы	Зависимые переменные		
	Эмиграционное намерение/ поведение по его реализации		
	Белорусские студенты ($R^2 = 0,10/0,05$)	Казахстанские студенты ($R^2 = 0,32/0,19$)	Российские студенты ($R^2 = 0,14/0,14$)
Характеристики оценки настоящего страны проживания			
Активное		- / 0,24*	
Близкое		-0,15* / -	
Длительное			-0,22** / -
Мое	0,20* / -		
Незначительное			-0,18* / -
Прекрасное		0,27* / -	
Светлое		-0,33* / -0,40**	
Свободное			-0,21* / -
Связанное с прошлым страны	- / 0,18*		
Скучное			0,20* / 0,19*
Сплоченное	-0,25** / -		
Хаотичное		-0,17* / -0,28**	
Контрольные переменные			
Возраст		-0,18** / -0,19*	
Владение иностранными языками (количество)	0,15* / 0,17*		0,16* / -
Число знакомых, друзей, родственников за границей, к которым можно обратиться за помощью			0,17* / 0,23**

Примечания: представлены результаты множественного регрессионного анализа; в таблицу включены только те предикторы, с которыми обнаружены статистически значимые регрессионные связи эмиграционных намерений и/или поведения у студентов; в скобках после обозначения каждой выборки через слэш представлены скорректированные значения R^2 (коэффициентов детерминации) для моделей с эмиграционными намерениями и поведением по их реализации в качестве зависимых переменных; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Таблица 5

Стандартизированные регрессионные коэффициенты связи эмиграционных намерений и поведения с представлениями о будущем стран проживания и контрольными переменными у студентов Беларуси, Казахстана и России

Предикторы	Зависимые переменные		
	Эмиграционное намерение/ поведение по его реализации		
	Белорусские студенты ($R^2 = 0,11/0,04$)	Казахстанские студенты ($R^2 = 0,40/0,14$)	Российские студенты ($R^2 = 0,12/0,21$)
Характеристики оценки будущего страны проживания			
Мое		-0,43*** / -0,26*	
Насыщенное событиями			-0,20* / -0,21*
Незначительное			-0,23* / -0,20*
Новаторское			- / -0,20*
Связанное с настоящим страны	0,23* / 0,25**	-0,17* / -	
Сплоченное	-0,35* / -		
Контрольные переменные			
Возраст		-0,24*** / -0,20*	
Владение иностранными языками (количество)		0,18** / 0,16*	
Число знакомых, друзей, родственников за границей, к которым можно обратиться за помощью			0,18* / 0,24***

Примечания: представлены результаты множественного регрессионного анализа; в таблицу включены только те предикторы, с которыми обнаружены статистически значимые регрессионные связи эмиграционных намерений и/или поведения у студентов; в скобках после обозначения каждой выборки через слэш представлены скорректированные значения R^2 (коэффициентов детерминации) для моделей с эмиграционными намерениями и поведением по их реализации в качестве зависимых переменных; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Среди российских студентов эмиграционные намерения выражены в большей степени у тех, кто владеет большим количеством иностранных языков, у кого больше знакомых за границей и кто рассматривает настоящее России как менее *длительное*, менее *свободное*, скорее *значительное*, чем *незначительное*, но в то же время как более *скудное*. В отношении оценки будущего России связи с намерениями переехать жить за границу у российских студентов следующие: настроенная на эмиграцию молодежь демонстрирует наименьшие

показатели оценок будущего страны по параметрам *незначительное* и *насыщенное событиями* и имеет больше знакомых за границей. Поведение по реализации эмиграционного намерения выражено в большей степени у тех российских студентов, которые рассматривают настоящее своей страны как более *скудное* и обладают большим числом знакомств за рубежом. Количество связей за границей также является значимым предиктором в модели связанного эмиграционного поведения российской молодежи и оценки будущего

страны как менее *новаторского, не насыщенного событиями*, но в то же время скорее *значительного*, чем *незначительного*.

Белорусские студенты с выраженными эмиграционными намерениями владеют большим количеством иностранных языков, а также склонны воспринимать настоящее Беларуси как *не сплоченное*, но *свое*. Будущее Беларуси видится белорусским студентам с эмиграционными намерениями как *не сплоченное и связанное с настоящим страны*. Поведение по реализации эмиграционных намерений характерно для белорусских студентов, знающих иностранные языки и характеризующих настоящее Беларуси как *связанное с ее прошлым*. Будущее Беларуси студенты-граждане страны с выраженным эмиграционным поведением воспринимают как *связанное с ее настоящим*.

Среди казахстанских студентов намерения эмигрировать выражены у более молодых респондентов, которые оценивают настоящее Казахстана как более *прекрасное, но менее близкое, менее хаотичное и менее светлое*. Стремятся переехать за границу также казахстанские студенты, оценивающие будущее страны как *не свое и не связанное с ее настоящим*. При этом данные студенты моложе и владеют большим количеством иностранных языков. Поведение по реализации эмиграционных намерений характерно для более молодых студентов, оценивающих настоящее Казахстана как *более активное, но менее светлое и менее хаотичное*. Эмиграционное поведение также более выражено у более молодых казахстанских студентов, владеющих иностранными языками и демонстрирующих низкую сопричастность будущему Казахстана — *не мое*.

Обсуждение результатов

В ходе исследования обнаружены различия в представлениях о настоящем и

будущем стран проживания, а также в характере связей этих представлений с эмиграционной активностью у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Наиболее оптимистичный образ настоящего и будущего страны проживания присущ казахстанским студентам. Они же демонстрируют большую сопричастность настоящему и будущему своей страны, чем россияне и белорусы. В то же время, несмотря на большую позитивность представлений о настоящем и будущем страны проживания у казахстанцев (в сравнении с представлениями о странах проживания у белорусов и россиян), выраженность эмиграционной активности у них (так же как и у белорусов) статистически значимо выше, чем у российской молодежи. Объяснением этому может служить следующее: фактором эмиграционной активности выступает не целостный образ настоящего или будущего страны, а его отдельные элементы, наиболее значимые для молодежи. Так, согласно результатам исследования, для российской молодежи наиболее значимым сдерживающим фактором эмиграционной активности на уровне намерений выступает представление о временной протяженности, разнообразии и свободе как характеристиках настоящего России, а также представления о событийной насыщенности как характеристике ее будущего. На поведенческом уровне такими факторами выступают (дополнительно к обозначенным) представления об инновационном будущем России. То есть, вероятно, эмиграционная активность российской молодежи в 2021-м году (на момент сбора эмпирических данных) определялась в том числе стремлением к удовлетворению потребностей в интересной, насыщенной, прогрессивной жизни за пределами страны в связи с отсутствием, по представлениям молодежи, возможностей в настоящем и будущем

удовлетворить эти потребности в стране проживания. Данные выводы согласуются с результатами нашего более раннего исследования, проведенного на выборке смоленских студентов в 2019 году [4] и связанного с анализом их представлений о мотивах эмиграции российской молодежи. Была обнаружена низкая степень удовлетворенности смоленской студенческой молодежи условиями жизни в стране, при этом наибольшее беспокойство было обозначено в отношении социально-экономических, политических и правовых аспектов жизни в России. В то же время, согласно другим результатам нашего исследования [11], современная российская студенческая молодежь, обладающая выраженными эмиграционными намерениями и возможностями для их реализации, отличается большей ориентацией на ценности достижения в терминологии Ш. Шварца [27], то есть в большей степени стремится к успешности и проявлению своих способностей. Все вышесказанное подтверждает прикладную значимость данных исследований и необходимость учета полученных результатов специалистами в области молодежной политики с целью профилактики эмиграционного поведения образованной российской молодежи и сохранения ценного социального капитала на уровне страны.

Рассмотрим предикторы эмиграционной активности студентов Беларуси и Казахстана. Анализ происходящих в Беларуси событий, предшествующих сбору эмпирических данных (социально-политический кризис, протесты населения) [5], позволяет сделать вывод о том, что, изучая эмиграционную активность молодежи Беларуси в 2021 году, мы вероятнее всего зафиксировали намерения не добровольной, а вынужденной (или условно вынужденной) эмиграции молодежи, находящейся в оппозиции к власти.

Возможно, именно поэтому был выявлен высокий уровень сопричастности настоящему Беларуси у белорусских студентов с выраженной эмиграционной активностью. То есть намерение уехать из страны оказалось присуще тем молодым белорусам, которым не безразлично настоящее Беларуси, но которых не устраивает разобщенность страны и которые прогнозируют пролонгирование настоящего Беларуси в ее будущем. Одними из ключевых факторов эмиграционной активности на уровне поведения для молодых белорусов в 2021 г. выступили представления о связанности прошлого, настоящего и будущего страны и прогнозирование отсутствия изменений. В связи с этим можно предположить, что факторами, сдерживающими эмиграционную активность белорусской студенческой молодежи, могли бы быть ее представления о вероятности изменений в будущем в социально-политической сфере в стране.

Специфические взаимосвязи между эмиграционной активностью студенческой молодежи и ее представлениями о стране проживания обнаружены на казахстанской выборке. Молодым гражданам Казахстана, намеревающимся уехать за границу, настоящее страны в 2021 г. представлялось как *прекрасное*, но не светлое (или *темное*, если мыслить в категориях антонимов), а будущее конструировалось как *чужое (не мое)* и *связанное с настоящим страны*. Научный анализ причин массовых протестов, произошедших в Казахстане в 2022 г. [8; 16], позволяет сделать вывод о том, что выявленные в 2021 г. представления молодежи Казахстана, желающей переехать за границу, о настоящем страны как о *прекрасном*, но *не светлом* могли являться отражением объективно-существующих, но завуалированных на тот момент противоречий и кризисов в социально-политической и социально-экономической сферах. Опи-

раясь на полученные результаты, можно предположить, что одним из важных сдерживающих эмиграционную активность казахстанских студентов факторов может являться ощущение сопричастности будущему Казахстана в сочетании с представлениями о возможности преодоления ключевых противоречий настоящего страны в ее будущем. В данном случае прослеживается некоторое сходство у белорусской и казахстанской студенческой молодежи, ориентированной на переезд за границу, в представлениях о преемственности и идентичности настоящего и будущего Беларуси и Казахстана соответственно. Таким образом, зафиксированные в январе-апреле 2021 г. взаимосвязи позволяют увидеть «болевы́е точки» в восприятии настоящего и конструировании будущего своих стран студенческой молодежью Беларуси, Казахстана и России, стимулирующие ее эмиграционную активность.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что эффективная реализация молодежной политики в сфере сохранения ценного человеческого капитала на уровне стран требует учета взаимосвязей эмиграционной активности с представлениями молодежи о стране проживания, формирующихся в конкретном социокультурном контексте. В современных нестабильных условиях с множеством глобальных рисков и изменений молодежь как важнейшая часть социального капитала любой страны нуждается во внимании и сопровождении

со стороны ученых, а также в скоординированных действиях представителей всех уровней управления и реализации молодежной политики стран. Неудовлетворенность настоящим у молодежи, так же как и низкая степень привлекательности образа будущего страны и/или слабое ощущение сопричастности этому будущему, могут трансформироваться в намерения переехать. В связи с этим своевременное изучение, учет и корректировка средствами государственной молодежной политики факторов эмиграционной активности молодежи, отраженных в ее представлениях о настоящем и будущем страны, играют важную роль в профилактике ее эмиграционной активности.

В проведенном исследовании присутствуют ограничения, связанные с особенностями выборки: в выборках трех стран преобладают женщины, а казахстанскую выборку составляют респонденты преимущественно из северных регионов страны. При проведении дальнейших исследований планируется нивелирование данных ограничений, а также обращение к сбору/анализу не только количественных, но и качественных данных. Планируется изучение социальных представлений о стране проживания у студенческой молодежи России и других государств постсоветского пространства с использованием методов полуструктурированного интервью и свободных словесных ассоциаций, а также анализ взаимосвязей выявленных представлений с эмиграционной активностью молодежи.

Литература

1. *Айтжанова Д.Н.* Основные этапы институализации государственной молодежной политики Российской Федерации и Республики Казахстан // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 1(17). С. 149–157. DOI:10.25513/2312-1300.2018.1.149–157
2. *Акименко А.К.* Представления о прошлом, настоящем и будущем в системе социально-психологической адаптации личности // Известия Саратовского университета. Новая

- серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 2. С. 131–142. DOI:10.18500/2304-9790-2014-3-2-131-141
3. *Будко Д.А., Лукьянова Г.В.* Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. № 21(2). С. 184–194.
 4. *Гриценко В.В., Муращенкова Н.В., Ефременкова М.Н.* Представления смоленских студентов о мотивах эмиграции современной российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9. № 4(36). С. 358–366. DOI:10.18500/2304-9790-2020-9-4-350-357
 5. *Дырина А.* Беларусь после президентских выборов 2020 г. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. Т. 58. № 74. С. 8–11.
 6. *Комаровский В.С.* Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 45–50. DOI:10.31171/vlast.v28i1.7041
 7. *Кравцова А.Н., Кузинер Е.Н.* Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 120–139. DOI:10.14515/monitoring.2022.2.2141
 8. *Митин А.А., Стефанкин А.Е.* Протесты в Казахстане: причины и последствия // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь в условиях информационного общества: международный, национальный и региональный аспекты» (г. Кемерово, 23 марта 2022 г.). Кемерово: Изд-во КГУ, 2022. С. 89–95.
 9. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности. Сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 502 с. DOI:10.17323/978-5-7598-2128-1
 10. Молодежь в Содружестве Независимых Государств: стат. портрет / Статкомитет СНГ, ЮНФПА. М.: 2021. 166 с.
 11. *Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н.* «Хочу» и «могу» в эмиграционном дискурсе российской студенческой молодежи в условиях пандемии COVID-19: роль индивидуальных ценностей // Материалы 6-й Международной научно-практической конференции «Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире» (г. Пенза, 25–26 марта 2022 г.). М.: Перо, 2022. С. 151–159.
 12. *Муращенкова Н.В.* Социальные аксиомы и страх перед COVID-19: мультигрупповой анализ связи у студенческой молодежи трех стран // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 89–108. DOI:10.17759/sps.2022130207
 13. *Нестик Т.А.* Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2015. 479 с.
 14. *Омельченко Е.Л., Лисовская И.В.* Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 66–92. DOI:10.14515/monitoring.2022.2.2078
 15. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNuqOU.pdf> (дата обращения: 11.06.2022).
 16. *Притчин С.А.* Политический кризис в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 1(54). С. 56–67. DOI:10.20542/2073-4786-2022-1-56-67
 17. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI:10.7868/S0132162518030029
 18. *Флоринская Ю.Ф., Карачурина Л.Б.* Новая волна интеллектуальной эмиграции из России: мотивы, каналы и механизмы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 183–200.
 19. *Фролова С.В.* Социально-психологическая концепция приверженности личности стране: дисс. ...докт. психол. наук. Саратов, 2020. 504 с.

20. Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. 2019. № 10(3). С. 74–94. DOI:10.24411/2221-3279-2019-10031
21. Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (дата обращения: 10.03.2022).
22. Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50. № 2. P. 179–211. DOI:10.1016/0749-5978(91)90020-T
23. COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale / Reznik A. [et al.] // International Journal of Mental Health and Addiction. 2021. Vol. 19. No. 5. P. 1903–1908. DOI:10.1007/s11469-020-00283-3
24. Dako-Gyeye M. Exploring the Migration Intentions of Ghanaian Youth: A Qualitative Study // Journal of International Migration and Integration. 2016. Vol. 17. No. 3. P. 723–744. DOI:10.1007/s12134-015-0435-z
25. De Jong P.W., Fonseca M.L. The role of the origin country in migration aspirations: A cross-national comparison of Master students in Portugal and the Netherlands // Population Space and Place. 2020. Vol. 26. No. 5. P. 1–14. DOI:10.1002/psp.2325
26. International Migration and World Happiness / J.F. Helliwell [et al.] // World Happiness Report. New York: Sustainable Development Solutions Network. 2018. P. 13–44.
27. Schwartz S.H. Basic individual values: Sources and consequences // Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology / In D. Sander, T. Brosch (Eds.). Oxford University Press, 2015. P. 63–84. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198716600.003.0004
28. Silvan K. Youth policy practice in post-Soviet Russia and Belarus: past and present // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28. № 1. С. 161–171. DOI:10.17323/1811-038X-2019-28-1-161-171
29. Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: The case of Russian Jews // International Journal of Intercultural Relations. 2017. No. 59. P. 53–67. DOI:10.1016/j.ijintrel.2017.05.002
30. The Fear of COVID-19 Scale: Development and initial validation / D.K. Ahorsu [et al.] // International Journal of Mental Health and Addiction. 2022. Vol. 20. No. 3. P. 1537–1545. DOI:10.1007/s11469-020-00270-8
31. Thulin E., Vilhelmson B. The Internet and Desire to Move: The Role of Virtual Practices in the Inspiration Phase of Migration // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2016. Vol. 107. No. 3. P. 257–269. DOI:10.1111/tesg.12144

References

1. Aitzhanova D.N. Osnovnye etapy instutualizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Kazakhstan [The Main Stages of Institutionalization of the State Youth Policy of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» = Bulletin of Omsk University. Series “Historical Sciences”*, 2018. Vol. 1, no. 17, pp. 149–157. DOI:10.25513/2312-1300.2018.1 (In Russ.).
2. Akimenko A.K. Predstavleniya o proshlom, nastoyashchem i budushchem v sisteme sotsial’no-psikhologicheskoi adaptatsii lichnosti [Ideas about the Past, Present and Future in the System of Socio-Psychological Adaptation of the Individual]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya Saratov University. A new series. Acmeology of Education series. Developmental psychology*, 2014. Vol. 3, no. 2, pp. 131–142. DOI:10.18500/2304-9790-2014-3-2-131-141 (In Russ.).
3. Budko D.A., Luk’yanova G.V. Obraz ideal’noi Rossii v soznanii studencheskoi molodezhi [The image of an ideal Russia in the minds of students]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*.

Seriya: Politologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science, 2019. Vol. 21, no. 2, pp. 184–194. (In Russ.).

4. Gritsenko V.V., Murashchenkova N.V., Efremenkova M.N. Predstavleniya smolenskikh studentov o motivakh emigratsii sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Representations of Smolensk Students about the Motives of Emigration of Modern Russian Youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya Saratov University. A new series. Acmeology of Education series. Developmental psychology*, 2020. Vol. 9, no. 4(36), pp. 358–366. DOI:10.18500/2304-9790-2020-9-4-350-357 (In Russ.).

5. Dyrina A. Belarus' posle prezidentskikh vyborov 2020 g. [Belarus after the Presidential Elections in 2020]. *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy = European security: events, assessments, forecasts*, 2020. Vol. 58, no. 74, pp. 8–11. (In Russ.).

6. Komarovskii V.S. Obraz zhelaemogo budushchego Rossii: problemy formirovaniya [The Image of the Desired Future of Russia: Problems of Formation]. *Vlast' = Power*, 2020. Vol. 28, no. 1, pp. 45–50. DOI:10.31171/vlast.v28i1.7041 (In Russ.).

7. Kravtsova A.N., Kuziner E.N. Byt' vzroslym i/ili umet' im byt': modeli vzrosleniya rannikh millenialov [Being an adult and/or being able to be one: models of growing up of early millennials]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*, 2022. Vol. 2, pp. 120–139. DOI:10.14515/monitoring.2022.2.2141 (In Russ.).

8. Mitin A.A., Stefankin A.E. Protesty v Kazakhstane: Prichiny i Posledstviya [Protests in Kazakhstan: Causes and Consequences]. *Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Molodezh' v usloviyakh informatsionnogo obshchestva: mezhdunarodnyi, natsional'nyi i regional'nyi aspekty"* (g. Kemerovo, 23 marta 2022 g.) [Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Youth in the information society: international, national and regional aspects"]. Kemerovo: Publ. KSU, 2022, pp. 89–95. (In Russ.).

9. Molodezh' v gorode: kul'tury, stseny i solidarnosti [Youth in Cities: Cultures, Scenes and Solidarity]. Sost. i nauch. red. E.L. Omel'chenko. Moscow: Publ. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2020. 502 p. DOI:10.17323/978-5-7598-2128-1 (In Russ.).

10. Molodezh' v Sodruzhestve Nezavisimykh Gosudarstv: stat. portret [Youth in the Commonwealth of Independent States: a statistical portrait], Statkomitet SNG, YuNFPA. Moscow, 2021. 166 p. (In Russ.).

11. Murashchenkova N.V., Gritsenko V.V., Efremenkova M.N. «Khochu» i «mogu» v emigratsionnom diskurse rossiiskoi studencheskoi molodezhi v usloviyakh pandemii COVID-19: rol' individual'nykh tsennostei ["I Want" and "I Can" in the Emigration Discourse of Russian Students in the Context of the COVID-19 Pandemic: the Role of Individual Values]. Materialy 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya migrantov v sovremennom mire" (g. Penza, 25-26 marta, 2022 g.) [Proceedings of the Sixth International Scientific and Practical Conference "Socio-psychological Adaptation of Migrants in the Modern World"]. Moscow: Pero, 2022, pp. 151–159. (In Russ.).

12. Murashchenkova N.V. Sotsial'nye aksiomy i strakh pered COVID-19: mul'tigruppovoi analiz svyazi u studencheskoi molodezhi trekh stran [Social Axioms and Fear of COVID-19: a Multigroup Analysis of Communication Among Students of Three Countries]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 2, pp. 89–108. DOI:10.17759/sps.2022130207 (In Russ.).

13. Nestik T.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya gruppovogo otnosheniya k vremeni. Diss. dokt. psikhol. nauk. [Socio-psychological Determination of Group Attitude to time. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2015. 479 p. (In Russ.).

14. Omel'chenko E.L., Lisovskaya I.V. Molodezh' kak barometr budushchego? Molodezhnaya povestka v sovremennoi Rossii skvoz' mneniya ekspertov po molodezhnoi politike [Youth as a Barometer of the Future? The Youth Agenda in Modern Russia through the Opinions of Experts on Youth Policy]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny =*

- Monitoring public opinion: economic and social changes*, 2022. Vol. 2, pp. 66–92. DOI:10.14515/monitoring.2022.2.2078 (In Russ.).
15. Osnovy gosudarstvennoi molodezhnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda [Elektronnyi resurs] [Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (Accessed 11.06.2022). (In Russ.).
16. Pritchins S.A. Politicheskii krizis v Kazakhstane [Political Crisis in Kazakhstan]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii = Russia and the new States of Eurasia*, 2022. Vol. 1, no. 54, pp. 56–67. DOI:10.20542/2073-4786-2022-1-56-67 (In Russ.).
17. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokolenii: empiricheskii analiz [Millennials against the Background of Previous Generations: an Empirical Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2018. Vol. 3, pp. 15–33. DOI:10.7868/S0132162518030029 (In Russ.).
18. Florinskaya Yu.F., Karachurina L.B. Novaya volna intellektual'noi emigratsii iz Rossii: motivy, kanaly i mekhanizmy [A New Wave of Intellectual Emigration from Russia: Motives, Channels and Mechanisms]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*, 2018. Vol. 6, pp. 183–200. (In Russ.).
19. Frolova S.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptsiya priverzhennosti lichnosti strane. Diss. dokt. psikhol. nauk [The Socio-psychological Concept of a Person's Commitment to the Country. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saratov, 2020. 504 p. (In Russ.).
20. Shestopal E.B., Smul'kina N.V. Sravnitel'nyi analiz obrazov svoei strany u zhitelei rossiiskikh regionov [Comparative Analysis of Images of Their Country Among Residents of Russian Regions]. *Sravnitel'naya politika = Comparative politics*, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 74–94. DOI:10.24411/2221-3279-2019-10031 (In Russ.).
21. Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (Accessed 10.03.2022).
22. Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991. Vol. 50, no. 2, pp. 179–211. DOI:10.1016/0749-5978(91)90020-T
23. Reznik A. et al. COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2021. Vol. 19, no. 5, pp. 1903–1908. DOI:10.1007/s11469-020-00283-3
24. Dako-Gyeke M. Exploring the Migration Intentions of Ghanaian Youth: A Qualitative Study. *Journal of International Migration and Integration*, 2016. Vol. 17, no. 3, pp. 723–744. DOI:10.1007/s12134-015-0435-z
25. De Jong P.W., Fonseca M.L. The role of the origin country in migration aspirations: A cross-national comparison of Master students in Portugal and the Netherlands. *Population Space and Place*, 2020. Vol. 26, no. 5, pp. 1–14. DOI:10.1002/psp.2325
26. Helliwell J.F. et al. International Migration and World Happiness. *World Happiness Report*. New York: Sustainable Development Solutions Network, 2018, pp. 13–44.
27. Schwartz S.H. Basic individual values: Sources and consequences. *Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology*. In D. Sander, T. Brosch (Eds.). Oxford University Press, 2015, pp. 63–84. DOI:10.1093/acprof:oso/9780198716600.003.0004
28. Silvan K. Youth policy practice in post-Soviet Russia and Belarus: past and present. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = The world of Russia. Sociology. Ethnology*, 2019. Vol. 28, no. 1, pp. 161–171. DOI:10.17323/1811-038X-2019-28-1-161-171
29. Tartakovsky E., Patrakov E., Nikulina M. Factors affecting emigration intentions in the diaspora population: The case of Russian Jews. *International Journal of Intercultural Relations*, 2017. Vol. 59, pp. 53–67. DOI:10.1016/j.ijintrel.2017.05.002
30. Ahorsu D.K. et al. The Fear of COVID-19 Scale: Development and initial validation. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2022. Vol. 20, no. 3, pp. 1537–1545. DOI:10.1007/s11469-020-00270-8

31. Thulin E., Vilhelmson B. The Internet and Desire to Move: The Role of Virtual Practices in the Inspiration Phase of Migration. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 2016. Vol. 107, no. 3, pp. 257–269. DOI:10.1111/tesg.12144

Информация об авторах

Ефременкова Мария Николаевна, аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>, e-mail: mnemema@yandex.ru

Муращенкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Стельмах Светлана Александровна, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии и коррекционной педагогики, НАО «Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова» (НАО ВКУ им. С. Аманжолова), г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Бурдина Елена Ивановна, доктор педагогических наук, профессор кафедры личностного развития и образования, НАО «Торайгыров университет» (НАО ТоУ), г. Павлодар, Республика Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7757-7612>, e-mail: e.i.burdina@mail.ru

Information about the authors

Maria N. Efremenkova, Postgraduate Student of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0201-5340>, e-mail: mnemema@yandex.ru

Nadezhda V. Murashchenkova, PhD in Psychology, Research Fellow, Centre for Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Svetlana A. Stelmakh, PhD in Psychology, Professor of the Department of Psychology and Correctional Pedagogy, Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Elena I. Burdina, Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Personal Development and Education, Toraiyrov University, Pavlodar, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7757-7612>, e-mail: e.i.burdina@mail.ru

Получена 01.08.2022

Received 01.08.2022

Принята в печать 25.01.2023

Accepted 25.01.2023